

УДК 111.1

DOI: 10.17223/22220836/21/7

В.В. Петренко

МОДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДИСПОЗИТИВОВ ГАБИТУАЛИЗАЦИИ И ЭСТЕТИЗАЦИИ

В статье тематизировано методическое значение фукинианских принципов диспозитивности и дисциплинарности для социальной теории, аналитики субъекта и философии моды. Обсуждается проблематика генеалогии модной идентичности и субъективности, связанная с такими стратегиями ее конституирования, как габитуализация и эстетизация. Используются идеи французской критической мысли в области социальной теории (П. Бурдьё).

Ключевые слова: социальность, модная идентичность, субъективация, габитус, М. Фуко, П. Бурдьё, диспозитив, дисциплинарность, эстетизация.

Существует ли дисциплинарная история моды? Ответ на этот вопрос кажется очевидным. К настоящему времени мода не уступает в респектабельности другим регионам социальности, а по ряду оснований демонстрирует и явные преимущества. В пользу моды свидетельствуют обстоятельства историко-культурного, экономического и даже политического характера. Мода поддержана и находится в пересечении многих сопутствующих социальных практик и социальных дискурсов: институциональных, индустриальных, производящих, оценивающих, так или иначе формирующих общий вектор и горизонт миро- и самопонимания. Думается, в своем дисциплинарном измерении мода способна выступить инструментом порождения и «присвоения» идентичности.

Дисциплинарная перспектива в исследованиях моды оправдана с того момента, когда мода обретает черты культурной индустрии. Об окончательной ее институализации правомерно говорить лишь тогда, когда мода начинает демонстрировать символическую власть, обеспеченную своим собственным символическим капиталом (П. Бурдьё). Этот специфический ресурс моды полномочна интегрировать и свободно конвертировать в другие формы символических накоплений и трат. И наконец, важное условие: социальный теоретик, пожелавший заняться теоретической интроспекцией в области модной аналитики, нуждается в *субъекте*, т.е. в обозначении активной инстанции такого *некто*, кто говорит от лица моды, кто озвучивает социальную позицию, закрепленную за интересующим нас сегментом социального поля. Модный субъект представляет от имени вверенной ему институции как субъект модного высказывания. В этой ипостаси могут выступить действительно разные участники модной истории – от собственно «модного персонажа», бесхитростным образом артикулирующего и манифестирующего якобы индивидуальный выбор и стиль, до модных агентов влияния в лице особого класса «интеллектуалов от моды». Если в первом случае перед нами воплощение «прямой чувственности» (Ф. Ницше), то во втором – более сложная конфигурация модных предпочтений времени и места, где модное

«означивание» производится профессиональным образом: на него работает целая индустрия, отвечающая за налаживание коммуникативных связей с другими держателями символических акций и капиталовложений. Все вышесказанное подводит к мысли, что методическое обеспечение подобной аналитики следует рассматривать как стратегию дополнительного «опространствливания» моды как социального феномена, провоцирующего серьезные ожидания и демонстрирующего высокую степень притязаний.

В этой связи отметим: современная социальная теория выступает своеобразным воплощением «теории пересечений» (К. Креншоу) и являет собой труднообозримое единство как масштабных, так и узкофокусированных социальных онтологий и эпистемологий анализа. Естественным образом она отсылает к конкурентным способам описания и концептуализации социального опыта. Об этом свидетельствует избирательность базовых концептов, которые использует социальный теоретик. О философском прошлом социальной теории говорит то, что большинство социально-философских горизонтов изначально составляли полюс метафизики.

Так, феномен *субъективного* привычно располагался в фокусе западного метафизического представления и спекулятивного мышления вообще. Поэтому проблематика субъективности традиционно принадлежит онтологическому и эпистемологическому регионам мысли. Следовательно, в рамках социальной философии методологическое значение категории *субъективного* требует специального обсуждения. Один из новых способов репрезентации состоит в следующем: диалектика репрессивности и свободы в вопросе конституирования субъективности преследует разрешение явного противоречия, которое выражается в противостоянии крайне редуccionистской и открыто прогрессистской стратегий в сущностном схватывании субъекта. В первом случае феномен субъективного предстает как инстанция принудительности в отношении себя порядков природного, культурного и социального. Во втором – как активное, волевое начало суверенности, автономии, гетерогенности и инаковости. Обозначенная оптика прослеживается в ницшевской и фукинианской линии генеалогии субъекта. Эта традиция релевантна заявленному М. Фуко проекту археологического исследования власти и знания [1, 2]. Кроме того, опираясь на опыт волевого истолкования субъекта у Ф. Ницше, структуралистская, постструктуралистская и неофрейдистская аналитики задействуют феномен *эстетического* для выражения парадигмального многообразия и взаимодополнительности сосуществующих *властных* телесных, социальных и когнитивных практик, взятых в их *дисциплинарном* измерении. Одновременно эти различные виды праксиса предстают как дискурсивные субъектные манифестации. Поэтому «*археологическая*» интроспекция власти дополнена анализом языковых высказываний: обоснованность их претензий на общезначимость составила существенный интерес фукинианской методологии. Именно они выведены на поверхность социальной онтологии как «представление об общественном устройстве» и как представление субъекта о себе самом. Правда, для М. Фуко периода «исторических» аналитик это представление редко носит характер теоретического и рефлексивного, да и способ его записи оказался принципиально иным, чем того требовала сложившаяся философско-академическая языковая норма. Перед нами, в сущно-

сти, очень индивидуализированная разновидность философской критики, и ей сопутствует специфический язык описания. Своеобразие критической стратегии, которую выбирает М. Фуко, бесспорно, но вызывает разночтения в том пункте, кому, в действительности, данная стратегия предназначена, является ли она, например, собственно философской. Так, французский историк П. Вен, хорошо знавший М. Фуко и высоко ценивший его как новатора, главным образом как методолога исследований культуры и социальности, прямо пишет в книге, посвященной ему: «Фукианство – это, собственно, эмпирическая антропология, по-своему связанная и оригинальная, ибо основой ее служит историческая критика» [3. С. 6]. И далее, на протяжении всего текста, П. Вен развивает свою мысль, всячески стараясь уверить нас, что квинтэссенцией фукинианской методологической парадигмы – к каким бы формам социального опыта она ни была обращена – служит парадигма единичности, столь любезная сердцу историка.

Опасность изобретения культурных, социальных, исторических или антропологических априори хорошо известна. Однако – в чем М. Фуко был глубоко убежден – их должно, а главное, можно изучать [4]. Изучение это, по мысли М. Фуко, возможно единственным способом – через описание конкретных дискурсивных практик, которые поддержаны соответствующими *диспозитивами*. Последние следует понимать в духе своеобразных дисциплинарных матриц, а в случае антропологического измерения социальности – как шифры габитуального порядка. В этом направлении стоит сфокусировать усилия и исторического, и социокультурного, и социально-фило-софского познания. Что касается социальной теории, она задействует идею дисциплинарности в привычном режиме: как работает методология диспозитива при описании социального поля и его агента? Что вносит «дисциплинарность» в тематизацию социальной нормативности и социальной динамики? И наконец, как артикулирована генеалогия самого субъекта и тех идентичностей, в которые он вписан?

Вне сомнения, перед нами – субъект, явленный новым образом. Субъект в формате заявленной парадигмы – это, прежде всего, исторически становящаяся *габитуальность*, вылепленная по образцу целой системы муштрующих дисциплинарных институтов – школьных, семейных, военных, тюремных, правовых и проч. Мода с некоторых пор занимает в этом ряду законное место. Многочисленные дисциплинарные матрицы работают в режиме самых разных – разрешительных и запретительных, воспитующих, образующих, исцеляющих, наделяющих социальными знаками и т.п. – практик и интерсекциональных областей социального поля. К примеру, текущий «модный контекст» постоянно дополняет перечень нормирующих и дисциплинирующих полей социальности формообразующим пространством «глянцевой» и рекламной сфер, медиа- и масскоммуникаций, индустрии показов и модной периодики, работающих на модный бизнес и систему развлечений и досуга. В их пространство персонаж модной истории втянут отнюдь не добровольно, эффект их воздействия на формирование модной идентичности мало отличается от принудительности процессов обучения, подчинения судебным властям или муштры при отправлении воинской повинности. Тело интересующего нас субъекта впитывает обращенные к нему «модные» тех-

нологии и одновременно усваивает всю палитру социальных воздействий. Совокупность таких отвечающих историческому моменту сингулярностей образует в социальном поле иерархию сложноподчиненных дискурсов и взаимопересечений: сама материя социальной реальности несет отпечаток сложных конфигураций разнонаправленных векторов силы и влияния. В результате поле современной социальности совмещает черты жестко прописанной структурности и номадической ризомности. За первую отвечает символическое ядро *меганарративов*, циркулирующих по законам *мегасоциального* уклада. (Для М. Фуко несомненно, что большинство «легальных» социальных дискурсов подчинено социальным техникам и воспроизводит внешний субъекту, адресованный ему извне заказ, а потому носит репрессивный характер. Именно легализованный язык власти монополизирует право на оценочное означивание, на последнюю интерпретацию событий в границах санкционированной системы социальных ожиданий и социальных предпочтений, в том числе в рамках требуемой и поощряемой *«рефлексивной способности суждения»* социального агента, уже испытывавшего дисциплинарное воздействие и приращение дискриминационного опыта. Словари привилегированных дискурсов всегда некритичны, универсальны и общезначимы, а их референциальная база предстает как самоочевидная и объективная.) Но для модного субъекта, по умолчанию, выбор является принципиальным условием **само-определения**. Что же выступает априори существования *многих* дискурсов в виде локальных, сингулярных микронарративов, в демократическом сообществе заявленных как действительно равные и взаимодополнительные? (Такая постановка вопроса не исключает обсуждения поведенческих институтов, заставляющих субъекта думать, говорить, выбирать, действовать, а подчас и чувствовать так, а не иначе, т.е. сообразуясь с требованиями актуальных исторических вызовов и обстоятельств.)

Как представляется, эффективность фукинианской методологической парадигмы в том, что здесь мы не встретим огульной критики власти вообще. Контекстуальный характер последней, а также многообразие ее исторических форм предопределяют идеологически нейтральную стратегию микрополитического исследования соотношений господства и подчинения. Эта оптика допускает внятный аналогизирующий перенос на область социальной теории. Рецепция фукинианской микрополитической аналитики, предполагающая анализ институциональных эффектов действующей микрофизики власти, прямо демонстрирует дискурсивный характер формирования субъективности и конкурентоспособных идентичностей во всех значимых регионах социального пространства. Признание же *историчности* социального априори делает возможным постановку вопроса о нем применительно к любому периоду европейской истории и в связи с опытом любой становящейся формы социальности. В сущности, это вопрос трансцендентальных условий существования европейского субъекта в границах западной демократии.

Генеалогический анализ власти и знания приводит к выводу, что порядок познания, методологии, истины и, наконец, *субъекта* никогда не свободен от конфликта, чреват политикой. Власть обнаруживает себя повсеместно, дискурсы мозаичны и иерархизированы, конфликт интерпретаций неизбежен. Он складывается отнюдь не в пользу партикулярного *«искусства суще-*

ствования», призванного составить основу жизненного проекта, как считал поздний М. Фуко. Хотя именно это специфическое искусство способно обозначить те линии силы, что ведут к утверждению новой структуры социального. Внутри нее понятие свободы тесно увязано с критикой господствующих идеологий и налаживанием коммуникации с дискурсами, отрезанными от каналов легитимирующей, принудительной циркуляции. Здесь терпимость в отношении чужого жизненного опыта и *иного* способа артикуляции собственной идентичности проявляется в первую очередь в отказе от всевластия нормы, от тирании доминантного как единообразного. В этих обстоятельствах появляется соблазн объявить «законными» проявления *любых* культурных и социальных демонстраций себя. Остается, правда, непростой вопрос: как отличить нестандартный формат присутствия от попросту недопустимых форм самоосуществления? М. Фуко, не успевший закончить свою «Историю сексуальности», в рамках которой и отслеживалась тенденция *субъективизации* новейшего культурного и социального поля (с признаками десубстанциализма, перформативности и даже отказа от привычных коммуналных ценностей), все же коснулся вопросов философского обоснования «эстетик существования» как фундамента индивидуального жизненного проекта и практической осуществимости такой стратегии. Разумеется, последняя идет вразрез с теми формами габитуализации, что обслуживают господствующие техники подавления.

Эта искомая стратегия требует для воплощения известной предрасположенности и заявляет о себе при условии развитого «жизненного чувства», когда опыт проживания жизни и опыт ее понимания смыкаются в способности высказывания. В социальном акторе, равно как и в философском субъекте, она фундирована повышенной чувствительностью к различиям в области жизненных форм, стандартов поведения, способов социальной и экзистенциальной адаптации, т.е. выдвигением на первый план тех «фоновых практик» [5], которые наилучшим образом маркируют основу самого исторического априори. Думается, мода и связанные с ней техники присвоения идентичности, работающие как своеобразные «имиджевые стратегии», как нельзя лучше соответствуют логике развертывания исторического априори современности.

Представление о мере вовсе не чуждо современному субъекту. Та социальная складка, свидетелями которой мы являемся, требует особого навыка – речь идет о формировании новой компетенции, культивирование которой возможно лишь в ситуации действительного выбора между различными модусами вот-бытия. Современность, в определенном смысле, и ассоциируется с *историческим априори выбора*. И формула М. Фуко о власти как «власти знания» применительно к области человеческой свободы оказывается по-настоящему действенна: если «знать» – это еще не обязательно «быть свободным», то «быть свободным» – это определенно «знать».

Габитуально «искусство жить» складывается в опыте персонализированного и ответственного существования. По словам П. Бурдьё, габитус «продуцирует поддающиеся классификации и объективно дифференцированные образцы поведения и представления; однако их немедленное восприятие доступно только субъектам, обладающим кодом, т.е. классификационными моделями, позволяющими *понять* (курсив мой. – В.П.) социальную значимость

данного поведения и представлений» [6. С. 143]. Поэтому интериоризованные ценности свободы, терпимости, равноправия, коммуникативной открытости в современном понимании «социального» предписывают рассматривать индивидуализированный субъективный дискурс собственного жизненного проекта как сознательную, рефлексивную интенцию в ряду прочих жизненных альтернатив, обязательное знакомство с которыми делает выбор такого рода неслучайным, заслуживающим уважения и признания со стороны других. Модный субъект как «схватывание» модной идентичности и сознательным, и бессознательным образом инвестирует в этот выбор и, в духе П. Бурдьё, осуществляет «капитализацию» такой свободной самопрезентации путем приращения собственного воображаемого как символического «второго порядка».

Критическая теория, имеющая дело с социальной онтологией, ограничивает влияние доминирующих идеологий, дезавуирует язык власти, уменьшает гнет однопорядковых интерпретаций, способствуя демократизации социального пространства. Внутри последнего обнаруживаются различные дискурсивные намерения. Именно их многообразие обеспечивает новизну в понимании природы социальности образца позднего капитализма. Что касается субъективности, она образована зоной действия социального агента и вбирает все идентичности, с которыми ассоциирован конкретный субъект в конкретных обстоятельствах. Субъективность артикулирована как «единичный» (в терминологии М. Фуко) *временной* дискурс и всегда связана со способом формирования вот-бытия. С одной стороны, перед нами *исторически* прописанные инстанции власти и социальной активности, которые структурируют, дифференцируют и в конечном итоге конституируют субъекта. «Единичность» же сообщает субъекту необходимую плотность психофизического и социокультурного тела, задействует механизмы разноуровневой идентификации, заставляя работать уже сложившиеся языковые модели социализации всегда *чуть иначе*. (Здесь – в единой точке – сходятся два вектора «сборки субъекта», как они представлены в фукинианской модели: «**субъективация**» и «**эстетизация**».) В нашем случае особенно показательна последняя. Именно она становится той формой диспозиционности, которая отвечает за свободное проявление субъекта мысли и действия. П. Вен, рассуждая о поведенческой и интеллектуальной субъективной свободе, напишет: «Диспозитив – не столько барьер, поставленный на пути инициативы субъектов, сколько препятствие, в реакции на которое эта инициатива проявляется» [3. С. 128]. Думается, наличествуя в истории всегда, вектор эстетизации присутствовал в конфигурациях социального и индивидуального в разные исторические эпохи по-разному. И сам спрос на такую стратегию образования субъекта был подвижен. *Эстетизацию* можно смело причислить к перечню социальных добродетелей, составляющих костяк трансцендентального априори исторической «современности». Первооткрыватель *эстетизации* как конститутивного для формы «современности» социального и культурно-исторического тренда В. Велш усматривает ее везде, где субъект предстает как единство символического и телесного. И где последнее само активным образом подвергается процедуре символизации. В. Велш, рассуждая об эстетическом буме, который культура позднего капитализма пережива-

ет с 60-х гг. прошлого века, обращает внимание на те социокультурные ниши, где индивидуальная «забота о себе» выдвигает эстетику в число ведущих регулятивов современного образа жизни [7]. Поскольку мода в ее непосредственном выражении представляет собой «фоновую практику» телесного образца, где чувственность обретает черты трансцендентальной компетентности, вектор эстетизации задействован здесь самым очевидным образом. (Даже когда речь идет о «моде на идеи» или «моде на политические взгляды», сама *модность* «схватывается» посредством рецепций, вписанных в модус предметно-чувственных, пластических ориентаций. Человек, придерживающийся определенной позиции, подает нам знаки: он соответственно **выглядит**; его внешний вид – костюм, манеры, речевая артикуляция, места его пребывания и т.п. – говорят за него.)

Итак, поскольку оформление субъективности в социальном плане демонстрирует характер сложных диспозитивных конфигураций и при этом *нечто* субъект выбирает сам (тем самым он лишается анонимности простого носителя навязанных ему языка или социального типажа, априори прозрачных для анализа), мы сталкиваемся с исследовательским вызовом двоякого рода: во-первых, бесконечному дроблению и дифференциации подлежит весь корпус социально-философских исследований; во-вторых, дробной тематизации подвергаются многообразные *личностные характеристики* социального агента, те самые **идентичности**, с которыми он ассоциируем. Именно они дают вариативный эффект единой языковой структуры – поливариативное смешение по-разному дискурсивно представленных диспозиций. Отсюда в общефилософском смысле обозначенная стратегия обеспечивает разрыв с декартовской – метафизической – схемой существования языка и субъекта *вне* обеспеченности их *«каким-то»* индивидуализированным дискурсом. В социально-теоретическом плане проблематика **идентичности** востребована со стороны сразу многих региональных социогуманитарных интроспекций, в идеале представляющих собой скрупулезные деконструктивистские аналитики. На примере отдельных социальных практик – мода в их числе – оказываются вскрыты механизмы производства единичного субъекта, выступающего от лица «социальности вообще». Это позволяет представить идентичность какого угодно образца как *«тождество различного»*, как результат сложных рефлексивных и дорефлексивных конвенций, свидетельствующих об уникальности индивидуального внутри единой социальной матрицы.

Таким образом, **принцип диспозитивности**, взятый на вооружение методологией современной социальной теории, служит наполнению **строго дисциплинарного измерения** социального опыта и одновременно дополняет его, поскольку предоставляет место личной инициативе субъекта. Происходит это потому, что диспозитив субъективации работает сразу в двух направлениях: а) как подчинение господствующим – *габитуализирующим* – дискурсам (габитус схватывает типическое в ментальном, социальном, экзистенциальном и телесном профиле субъекта); б) как высвобождение энергии собственного выбора, оформленного поведенчески, но поддержанного **эстетически**, т.е. рефлексивно и дискурсивно. **Эстетизация** задает особый модус социальной открытости, к настоящему моменту сознательно культивируемой как со стороны индивида, так и либерально ориентированного обще-

ственного субъекта. Открытость такого рода – реальная основа подлинно толерантной культуры миропонимания. Думается, она полезна для утверждения принципов равенства и справедливости в сферах экономики, политики и других форм гражданского сосуществования. Разумеется, те ипостаси «социального агента вообще», что уже обрели собственное измерение идентичности, по-разному пользуются предоставляемыми шансами к упрочиванию свободы и экстерриториальности. На фоне прочих модный нарратив, активно задействующий фантазм в представлении о прекрасном и своем эксклюзивном доступе к нему, естественно тяготеет к вектору эстетизации, а следовательно, к вектору частичной неподконтрольности. В большинстве случаев субъект моды проигрывает политическому и экономическому агентам: горизонт его действий заведомо уже. Решение вопросов свободы в поле экономики и политики сопровождается труднообозримым количеством привходящих факторов, и возможные контексты сопротивления слабо учитывают такие габитуально выделенные сингулярности, как гендерная, семейная или модная идентичность, как субъект национальной культуры или образования. Однако существуют ниши, где парадоксальным образом они заявляют о себе громко. Так, субъект моды прямо обращен к чувствительным в *экзистенциальном* отношении темам. Искомый историзм познания, социального действия и жизненного выбора связан с активным осознанием собственной конечности, тех зависимостей, которые интериоризирует в нас исторический горизонт, наше пребывание в истории здесь и сейчас. Но в той же мере субъекта производит *сопротивление*, оказываемое горизонту историчности. Конституирующее для «проявления» субъекта значение *диспозитива* заключается в том, что он обозначает предел, границу. В реакции на эти границы, как правило установленные не нами – кем-то, испытанию подвергается свобода субъекта: его личная способность эти границы пересекать либо не пересекать, устанавливать заново либо принимать в качестве непреодолимых, «естественных» условий своего бытия. Палитра возможностей «знать» о существовании границы и действовать в соответствии с этим знанием артикулирует наше представление об иерархии модусов субъективации и эффективности сложившейся системы идентичностей как выражения динамического порядка социального мира.

Литература

1. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сад, 1994. 406 с.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
3. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
4. Foucault M. «Il faut defendre la societe» Cours au College de France. Paris : Gallimard, Seuil, 1997. 475 p.
5. Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия : сб. ст. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге : Летний сад, 2001. 349 с.
6. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS, 1993. Вып. 2. С. 137–150.
7. Welsch W. Aestheticization processes : Phenomena, distinction and prospects // Theory, culture and society. Cleveland, 1996. Vol. 13, № 1.

Petrenko Valeria V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vptomsk@mail.ru

DOI: 10.17223/22220836/21/7

FASHION IDENTITY AT THE INTERSECTION OF DISPOSITIONS OF HABITUIALIZATION AND AESTHETICIZATION

Key words: *sociality, fashion identity, subjectivation, habitus, M. Foucault, P. Bourdieu, dispositif, disciplinarity, aestheticization.*

The article discusses the importance of methodological principles of disciplinarity of M. Foucault for social theory, analysis of the subject and the possible fashion philosophy. There is a question about the genealogy of fashion identity and subjectivity. We discuss these strategies and their constitutions as habitualization and aestheticization. The article used the ideas of the French critical thought in social theory (P. Bourdieu).

Currently, fashion is not inferior to other regions in the sociality of respectability. In its disciplinary dimension fashion tool is capable to perform the generation and appropriation of identity. Fashion shows symbolic power, to ensure their own symbolic capital. At the same time, a complete theory of fashion needs to be the subject of fashion statements. This fact sets the horizons of ontology and epistemology in the analysis of fashion identity. Description of historical apriori of modernity takes into account the different discursive practices, including – fashion. They are supported by relevant dispositifs. Dispositifs – it is a kind of disciplinary matrix. The anthropological dimension dispositifs appear as ciphers habitually order.

It is important that the choice of a single subject is a fundamental condition for self-determination. This means that we can not limit ourselves in his description of the strategy of habitualization. Habitus shows typical in the mental, social, behavioral, body image of the subject. Choice warrants aestheticization strategy. Aestheticization manifests itself mainly in the existential horizon. Historicism of cognition, social action and life manifestations associated with active knowledge of their own limbs. It is therefore important resistance that the subject of fashion is able to provide the horizon of historicity. Subject of fashion in its own way participates in the test of limits and boundaries, and articulates our understanding of the hierarchy of modes of subjectivations for the manifestation of personal freedom.

References

1. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things: Archaeology of Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
2. Foucault, M. (1997) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of madness in the classical period]. Translated from French by I.K. Staf. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
3. Wen, P. (2013) *Fuko. Ego mysl' i lichnost'* [Foucault. His thoughts and personality]. Translated from French by A.V. Shestakov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
4. Foucault, M. (1997) *"Il faut defendre la societe" Cours au College de France*. Paris: Gallimard, Seuil.
5. Kharkhordin, O.V. (2001) *Fuko i issledovanie fonovykh praktik* [Foucault and the studies of background practices]. In: Kharkhordin, O.V. (ed.) *Mishel' Fuko i Rossiya* [Michel Foucault and Russia]. St. Petersburg; Moscow: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge: Letniy sad.
6. Bourdieu, P. (1993) *Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Social space and symbolic power]. *THESIS*. 2. pp. 137–150.
7. Welsch, W. (1996) Aestheticization processes: Phenomena, distinction and prospects. *Theory, culture and society*. 13(1). DOI: 10.1177/026327696013001001